

Дун Сянь принял решение моментально: его тонкие, изящные пальцы тут же сомкнулись на запястьях Лю Юйня, и стоило ему едва коснуться кожи, как он уже нажал на нужную точку, парализуя руку противника. На его бледном лице проступил лёгкий румянец, и он тихо произнёс:

— Ваше Высочество, не стоит идти напролом, поддаваясь сиюминутному порыву. В конце концов, я всё же наставник Лю Синя, и по возрасту, и по старшинству я превосхожу вас.

Пальцы Лю Юйня пронзила острая боль от воздействия на акупунктурную точку. Он недоумённо уставился на свою руку, а затем, не желая прерывать близость с Дун Сянем, тряхнул кистью и заявил:

— Ты столь прекрасен, что не кажешься земным созданием, к чему же все эти разговоры о рангах и годах? Мал я или нет — скоро сам убедишься.

Слыша столь безрассудные и дерзкие речи, Дун Сянь едва удержался от смешка. У него не было того терпения, что у Ван Мана, когда дело касалось подобных назойливых особ.

Подавив брезгливость, скрытую глубоко внутри, Дун Сянь коснулся лба и полубоялся Лю Юйня за плечи, мягко прошептав:

— Раз уж вы, Ваше Высочество, так меня цените, я обязан отблагодарить вас должным образом. Но сегодня я много ходил по делам и утомился. Может, перенесём на другой день...

— О нет! Ни в коем случае! — Лю Юйнь крепче прижал к себе Дун Сяня. Глядя на то, как тот слегка хмурит брови, выражая притворное нежелание, он нашёл его ещё более изысканным и притягательным.

Ощущая нестерпимый жар в теле, Лю Юйнь без лишних слов подвел его к кровати и с нетерпением добавил:

— Зачем откладывать на потом? Раз устал, просто ложись. Я сделаю тебе так хорошо, что ты забудешь обо всём на свете.

— Куда же вы так спешите, Ваше Высочество? — Слабые руки Дун Сяня легонько толкнули Лю Юйня, но так умело, что тот пошатнулся и едва не упал.

— Здесь пол скользкий, будьте осторожнее, — проговорил Дун Сянь, внутренне усмехаясь, но сохраняя на лице застенчивое выражение. Он мастерски владел энергией ци, позволяя себе выставлять противника в дурном свете, не давая того заметить.

— Вот же чертовщина. Не спеши, я сейчас вернусь. — Лю Юйнь, не заподозрив подвоха, выровнялся и снова бросился к Дун Сяню, с лихорадочной поспешностью пытаясь развязать его одежду.

Дун Сянь скользнул пальцами к шее Лю Юйня. Стоило ему нанести точный удар в главную

точку на шее, как тот потерял бы сознание, или, по крайней мере, надолго оцепенел. Вот тогда бы он посмотрел, как этот наглец будет требовать своего!

Ничего не подозревающий Лю Юйнь, опьянённый видом белоснежного тела, уже попал в расставленную сеть.

Дун Сянь нахмурился, чувствуя, как человек сверху жадно целует и покусывает его шею. Он занёс руку, готовясь нанести удар. Достаточно было вложить лишь пару десятых долей силы, чтобы отправить его в глубокий сон; даже если после пробуждения Лю Юйнь что-то вспомнит, он вряд ли сохранит ясные воспоминания о том, что произошло перед потерей сознания. Это был идеальный шанс ускользнуть.

Раз уж ты так жаждешь плотских утех, то я уложу тебя спать на десяток-другой дней, чтобы ты мог насладиться ими в своих грёзах.

Только он собрался шевельнуть пальцами, как вдруг до слуха донеслись быстрые и лёгкие шаги по крыше. Дун Сянь сосредоточился, вслушиваясь в звуки. Тот, кто был наверху, обладал немалой силой — по крайней мере, в этот миг, когда человек ступал по кровле, в доме этот звук слышал только он один.

— Ваше Высочество, прошу, уgomонитесь. У нас гости, — не обращая внимания на недоумение Лю Юйня, Дун Сянь сел и поправил полы одежды.

— Почему ты встал? Милый мой Сянь, я ведь ещё даже не начинал! — Лю Юйнь потянулся к нему, но Дун Сянь оттолкнул его руку.

Он отчетливо слышал, как человек с крыши спрыгнул на землю и теперь стоит прямо у входа в домик.

Не успел он об этом подумать, как дверь с грохотом распахнулась. Деревянное полотно, не выдержав напора, ударилось о стену.

Лю Юйнь от неожиданности подскочил. Обернувшись, он увидел Лю Синя, стоявшего на пороге с суровым и величественным видом. Его лицо, будто высеченное из камня, казалось скованным льдом, а в густых бровях читалась непреклонная властность.

Лю Юйнь невольно вздрогнул, позабыв, что он, как и Лю Синь, является племянником императора и не должен его бояться. Лю Синь, чей взгляд, подобно лезвию меча, пронзил Дун Сяня, с трудом сдерживал ярость.

Весь день он не находил себе места, сам не понимая, отчего его мысли постоянно блуждают. Лю Юйнь бесстыдно дожидался в саду, но и сам Лю Синь недалеко ушёл.

За этот день он бесчисленное количество раз выглядывал в окно, и когда стройная фигура

появилась у озера, он сам удивился собственной радости — неужели он действительно рад видеть Дун Сяня?

Но то, что произошло следом, привело его в бешенство. Увидев, что Дун Сянь уходит вместе с Лю Юйнем, он, сам не свой, последовал за ними. А поступок, который он не мог себе простить, — это то, как он, подобно подлецу, взобрался на крышу, желая подслушать, что происходит внутри.

Если бы он не слушал, то не узнал бы того, что вывело его из себя окончательно. Сейчас, стоя друг напротив друга, Дун Сянь не отводил взгляда, спокойно позволяя Лю Синю изучать каждый дюйм своей кожи.

Казалось, этот мир существует только для них двоих, и третьему здесь не место. Лю Юйнь наконец пришёл в себя и завопил:

— Лю Синь! Это покои господина Дуна, кто позволил тебе войти?

Будто не слыша его слов, Лю Синь шаг за шагом приближался. От него исходило такое давление, словно он намеревался лишить кого-то жизни.

Лю Юйнь почувствовал неладное и дрожащим голосом произнёс:

— Ты... что ты задумал? Хочешь распустить руки? Я... я пожалуйюсь императору!

Лю Синь не ответил. Стоя перед ними, он смотрел в прекрасное, утончённое лицо, отражавшееся в его глубоких зрачках.

Дун Сянь стоял неподвижно, не делая попытки отступить, и так же пристально смотрел на Лю Синя.

Звонкая пощёчина эхом разнеслась по тесному домику. Лю Юйнь остолбенел, инстинктивно коснувшись своего лица, но, к удивлению, не почувствовал жжения.

Обернувшись, он увидел, что удар пришёлся по лицу Дун Сяня. Лю Синь с помрачневшим видом проговорил низким голосом:

— Если тебе не хватает плотских утех и ты ищешь разрядки, на стороне я тебе не указ, но не смей осквернять место, где живу я.

Удар был такой силы, что, когда Дун Сянь поднял голову, из уголка его губ уже сочилась кровь. Он вытер её пальцем и вдруг громко рассмеялся.

Лю Синь, сверкнув пронзительным взглядом, яростно спросил:

— Что тут смешного?

Дун Сянь перестал смеяться:

— Смеюсь над собой. Я стал наставником Вашего Высочества, но не только не передал вам никаких знаний, так еще и забыл обучить элементарному уважению к учителю. Эта пощёчина припала как нельзя кстати!

Поняв, что Дун Сянь издевается, Лю Синь сжал его подбородок:

— Я уже говорил: ты мой наставник только во время занятий. Но не в повседневной жизни!

— Кто стал учителем однажды, остаётся им навсегда. Оказывается, для Вашего Высочества это понятие имеет временные рамки. — Подбородок Дун Сяня был крепко сжат, кровь стекала по уголку губ, капая на пальцы Лю Синя. Дун Сянь насмешливо добавил: — Винить стоит лишь меня, что на первом же уроке я не установил должных правил. Это моя вина, и если Ваше Высочество желает, то пусть наказывает.

Кровавый след, тянувшийся до самого подбородка, лишь сильнее подчёркивал пронзительную белизну его кожи. Кончики пальцев Лю Синя окрасились в красный цвет, будто распутившиеся цветы.

Сердце Лю Синя вдруг сжалось, он немедленно отпустил его, но при мысли о том, что Дун Сянь только что предавался утехам с Лю Юйнем, его снова охватила ярость. Снаружи загрохотал гром, вспышка молнии разорвала чёрное небо, и в тот же миг хлынул ливень. Ледяной северный ветер с воем заставил старую деревянную дверь жалобно скрипеть — начинался настоящий шторм.

Лю Синь заметил на шее Дун Сяня едва заметный след от поцелуя, и его кулаки сжались. Вспомнив утренние слова Лю Юйня о том, что он не умеет обращаться с нежными цветами, он ощутил ещё большее раздражение.

— Господин Дун, я признаю вас учителем только во время уроков. В остальное время вы лишь мой подданный, — закончив, Лю Синь небрежно сорвал с пояса именной нефритовый кулон и с силой швырнул его в окно. Взглянув прямо в глаза Дун Сяню, он отрезал: — Подданный обязан слушаться своего господина. Сейчас я приказываю вам найти его и вернуть мне!

Очередная молния полоснула небо, осветив стену проливного дождя. Стало холодно — для начала зимы такой ливень был редкостью. Дун Сянь с тяжёлым вздохом выдохнул.

Маленький кулон, выброшенный в сад, было сложно отыскать даже днём, не говоря уже о чёрной, дождливой ночи. Лю Юйнь, который и сам едва мог усидеть на месте, не удержался:

— Ты что, считаешь его собакой? Кинул вещь, чтобы он принёс её обратно...

— Заткнись! — Лю Синь сверкнул глазами, острыми, как у ястреба.

Лю Юйнь, хоть и испугался, всё же сделал вид, что сохраняет хладнокровие:

— Я... я вижу, ты решил стать наследным принцем, раз уж начал раздавать приказы!

В домике Дун Сяня сегодня было непривычно людно: у порога собралась целая толпа слуг. Поскольку Лю Синь долго не возвращался в свои покои, а снаружи разыгралась буря, они, захватив дождевики, поспешили на поиски.

Лю Синь взмахнул рукой:

— Время позднее. Эй, вы! Проводите брата Юйня прочь!

Слово проводить можно было истолковать по-разному. Слуги Дворца Юйян, отличавшиеся сообразительностью, тут же подступили к Лю Юйню и, не слушая его угроз и криков о мести, силой вытолкали его под проливной дождь, выдворив за пределы дворца.

В домике снова стало тихо.

Дун Сянь взял с кровати шёлковую ленту и аккуратно собрал свои длинные, как водопад, волосы. Завязанные в чёрный хвост, они, подобно тёмному шёлку, обрамляли его худощавое лицо. Каждое его движение источало пьянящее очарование.

Лю Синь подошёл и взял в руки чёрный блестящий хвост волос Дун Сяня. Пряди, обвивавшие его пальцы, были такими же соблазнительными, как и их хозяин.

Такие же лёгкие, изящные, прекрасные и... бесстыдные. При этой мысли Лю Синь резко отбросил волосы и, глядя в лицо Дун Сяню, спросил:

— В народе говорят, что Дун Сянь из Юньяна способен погубить города и страны. Что ты сам об этом думаешь?

Дун Сянь, способный погубить города? Для них обоих эти слова звучали как горькая насмешка. С каких пор достоинство мужчины стали определять по внешности?

— Мои слова ничего не значат. Раз уж это народная молва, то спрашивать, кто это придумал, нужно в народе. Как мужчина, я никогда не задумывался о подобных титулах, — Дун Сянь легко перевёл тему и в свою очередь спросил: — Разве Ваше Высочество считает, что я не заслуживаю таких слов?

Лю Синь усмехнулся, его взгляд стал многозначительным:

— Раз об этом твердит народ, значит, это признано всеми. Как я могу возражать? Просто я не понимаю, как столь прекрасное лицо может скрывать столь порочную и низкую душу?

Он пристально посмотрел на Дун Сяня:

— Кроме Лю Юйня, сколько ещё людей владело тобой?

Дун Сянь горько улыбнулся.

Лю Синь не ошибся: его тело было далеко не чистым, хотя Лю Юйнь сегодня и не успел довести начатое до конца.

Видя, что тот молчит, Лю Синь приподнял бровь:

— Что, уже не можешь сосчитать?

Отбросив всю горечь его слов, Дун Сянь невозмутимо взглянул на ливень за окном, а затем повернулся к Лю Синю:

— Сад такой огромный, к тому же идёт дождь. Боюсь, найти потерянное будет нелегко. Кулон Вашего Высочества очень дорог? Обязательно ли находить его именно сегодня ночью?

Оказалось, он собрал волосы в хвост именно для того, чтобы отправиться на поиски.

Лю Синь уже почти забыл об этом, но, услышав его вопрос, снова вспомнил.

Этот именной кулон был на нём в тот день, когда он впервые встретил Дун Сяня. Хотя он был сделан из первоклассного нефрита, для Лю Синя его ценность была в ином.

Несмотря на это, он ответил:

— На нём выгравировано моё имя, это единственная такая вещь в мире, разумеется, он ценен!

Окно, которое с шумом раскачивал ветер, вновь распахнулось, впуская ледяной холод. Но даже этот мороз был ничем по сравнению с ледяным взглядом Лю Синя.

— Хорошо, подождите немного, я сейчас же его найду. — Дун Сянь улыбнулся, взял фонарь с полотняным абажуром и, даже не захватив зонта, решительно шагнул под дождь.

Его фигура выглядела удручённо, словно он был человеком, познавшим суету мира и не имеющим больше желаний. Лю Синь знал, что Дун Сянь только оправился от болезни, и его сердце снова неприятно кольнуло. Не в силах оставаться в домике, он вышел следом за ним под проливной дождь.

Хоть они оба оказались под ливнем, Лю Синь лишь стоял в стороне, не собираясь помогать.

Небо озарялось молниями, гром гремел непрерывно. Дождевая вода стекала с головного убора на лицо, и в глазах Лю Синя всё расплывалось — он видел лишь фигуру Дун Сяня, суетящуюся среди деревьев и камней.

Вспоминая его высокомерное, равнодушное выражение лица, Лю Синь усмехнулся. Будучи падшим цветком, почему он всегда сохраняет столь чистый и свежий облик? Под ледяным дождём Лю Синь невольно вздрогнул, пытаясь убедить себя: люди, чьи слова расходятся с делами, обычно коварны. Чем больше Дун Сянь кажется послушным, тем глубже спрятаны его истинные намерения. Нельзя дать себя одурачить!

Тем временем Дун Сянь с фонарём в руках тщательно обыскивал каждый уголок. Огонёк внутри метался, но продолжал теплиться, излучая тусклый свет.

В саду уже стояла вода, капли дождя бесконечно рисовали на ней круги. Даже на ровной дороге в такую погоду было трудно что-то заметить, а в траве — и подавно. Обыскав все камни, он ничего не нашёл и, вспоминая направление, в котором Лю Синь швырнул кулон, направился в глубь зарослей.

Его белая одежда промокла насквозь и липла к телу, словно ледяной панцирь. Дун Сянь глубоко вдохнул, и изо рта вырвался пар. Он оглянулся и увидел, что Лю Синь неподвижно стоит под дождём, и, не раздумывая больше, продолжил поиски.

Сорняки с шипами царапали руки, и вскоре нежные ладони были покрыты мелкими ранками. Дождевая вода заливалась в них, Дун Сянь прикусил губу, но не остановился.

Лю Синь хотел лишь унижить его, но не ожидал, что Дун Сянь втянет его в эту игру. Оба были упрямы: пока кулон не найдётся, никто не вернётся назад. Им приходилось стоять под дождём, подставляя лица ветру.

Вдруг Лю Синь перестал чувствовать капли дождя на голове. Обернувшись, он увидел Чжи Вэй, которая держала над ним зонт.

Весь день Чжи Вэй видела, что Лю Синь чем-то расстроен, а когда услышала от слуг, что он побежал к Дун Сяню, забеспокоилась и поспешила следом. Увидев издалека, как Лю Синь стоит под дождём, она бросилась к нему, укрыла зонтом и, вытирая платочком его одежду, спросила:

— Ваше Высочество, зачем стоять в ливень? Ещё простудитесь! Скорее пойдёмте назад.

Белая фигура неподалёку всё ещё продолжала усердно искать, и от этого зрелища веяло холодом. Лю Синь нахмурился:

— Пока он не найдёт, я не вернусь.

Чжи Вэй, ничего не понимая, посмотрела туда, куда указывал Лю Синь, и вскрикнула:

— Это ведь господин Дун? Почему вы оба без зонтов? Что он ищет?

Холодная влага пробирала до костей. Лю Синь тихо ответил:

— Я уронил кулон в саду, и он должен его найти.

— Разве это не просто кулон? Завтра поищем, ничего не случится. Господин Дун только выздоровел, вы же специально его мучаете? — Вспомнив хрупкое телосложение Дун Сяня, Чжи Вэй почувствовала жалость и от волнения не следила за словами.

Лю Синь посмотрел на стройную фигуру Дун Сяня в дожде и тоже забеспокоился. Чжи Вэй, не желая, чтобы он страдал, всучила зонт Лю Синю и сама направилась к Дун Сяню. Девушка подошла к нему, и Дун Сянь, заметив её, тихо произнёс:

— И ты здесь?

Сказав это, он поднялся, но вдруг почувствовал головокружение и, пошатнувшись, едва не упал, ухватившись за ствол дерева.

Чжи Вэй поспешила поддержать его:

— Ты только пошёл на поправку, к чему этот спор с Его Высочеством? Он приказал искать под дождём, а ты и правда послушался?

Руки, поддерживавшие его, источали нежность. Дун Сянь незаметно отстранился и улыбнулся:

— Раз я стал его учителем, то должен относиться ко всему серьёзно. Я обещал ему, и теперь не могу нарушить слово.

Даже под ливнем Дун Сянь продолжал улыбаться — легко и безмятежно. В дымке дождя он был похож на бамбук в тумане — изысканный и чистый.

Чжи Вэй была поражена, но, беспокоясь о его здоровье, добавила:

— Иди скорее переоденься, я сама поищу кулон.

Дун Сянь словно не слышал её, продолжая поиски. Когда он перебирал пальцами траву, руки его едва заметно дрожали.

Чжи Вэй ещё несколько раз пыталась его отговорить, но, видя бесполезность, взяла у него фонарь, чтобы освещать путь.

Теперь настоящий хозяин кулона стал лишним. Видя, как они хлопочут, Лю Синь не знал, как остановить их. Он стоял, сжимая кулаки, как красивая статуя. В сердце горел огонь, и вдруг он увидел, что Дун Сянь идёт к нему. Тот был смертельно утомлён, а лицо его стало неправдоподобно бледным. Увидев, как он шатается, Лю Синь хотел броситься к нему, но Чжи Вэй опередила его.

— Нашёл? — голос Лю Синя звучал безжалостно.

Дун Сянь горько улыбнулся, протягивая обломок кулона:

— Видимо, он разбился при падении, я не нашёл часть с кисточкой.

— Ваше Высочество, если вам нужен был кулон, это же просто. Сейчас зима, вы заболаете, стоя под дождём!

Лю Синь не стал разбираться, имела ли Чжи Вэй в виду его или Дун Сяня, и молча взял нефрит.

На тёплом нефрите, где горизонтально было выгравировано Лю Синь, остался лишь один иероглиф Лю. Обломок был острым и больно впивался в ладонь. Лю Синь бережно спрятал его.

Дун Сянь уже дрожал от холода, он кусал губы, но не чувствовал боли — наверняка они уже онемели.

Глядя на него, Лю Синь и сам чувствовал себя неважно. На самом деле, стоило Дун Сяню произнести хоть одно мягкое слово, он бы всё прекратил, но этот человек предпочитал твёрдость и сам полез под дождь.

— Если у Вашего Высочества больше нет дел, я откланяюсь. — Только что возникшая симпатия мгновенно испарилась от этого холодного тона.

Глядя на удаляющуюся фигуру, Лю Синь рявкнул:

— Стой!

Дун Сянь оглянулся, в его глазах читалась смиренная безнадёжность. Под дождём он казался окружённым серебристым сиянием.

Лю Синь не стал смотреть в эти глаза, а обратился к Чжи Вэй:

— Немедленно приготовь покои, пусть он поселится там. Тот домик слишком убог, заболает ещё, люди скажут, что я плохо обхожусь с человеком дяди Ван Мана.

Чжи Вэй и сама хотела это предложить, поэтому, услышав приказ Лю Синя, поспешила распорядиться. Во дворе остались только они двое.

После того, как только что намеренно подчеркнули его статус, Дун Сянь сухо ответил:

— Не стоит беспокоиться, Ваше Высочество. Я люблю покой и не привык к большим комнатам, где постоянно спуют слуги.

По своей натуре он был свободолюбив и не хотел маячить перед глазами Лю Синя, который его презирал. Он повернулся, чтобы уйти.

Однако не успел он сделать и нескольких шагов, как его запястье схватили. Дун Сянь мысленно выругал себя за слабость, оставшуюся после болезни: Лю Синь без труда притянул его под зонт.

— Ты жить не хочешь? В том домике сыро и влажно, как ты просушишь одежду? — Коснувшись руки Дун Сяня, он понял, что она холодная, как лёд. Лю Синь в порыве чувств схватил его руку и начал растирать, но та не согревалась.

Видя, как он суетится, Дун Сянь усмехнулся. Кто заставил его промокнуть до нитки? Он взглянул на Лю Синя: красивые линии лица, волевой контур. Лю Синь поднял взгляд, и Дун Сянь увидел глубокие чёрные зрачки, готовые к прыжку, словно у маленького леопарда. Только сейчас он заметил, что Лю Синь стал чуть выше него. За короткое время он словно вырос за одну ночь.

Его пальцы были крепко сжаты, он оказался полностью в плену. Он хотел было возразить, но Лю Синь проявил непреклонность.

Одной рукой держа зонт, а другой придерживая Дун Сяня, он решительно повёл его прочь.

<http://bllate.org/book/21155/2144382>